

МАЙОР
ШИП

ПРИНЦИПЫ ЧЕКИСТА ИВАНА ШИПОВА

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

**МЕТОД
ЧЕКИСТА**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.
Ш25   Метод чекиста / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Майор Шип. Принципы чекиста Ивана Шипова).

ISBN 978-5-04-223683-9

Москва, 1952 год. На глухой подмосковной дороге находят разбитую «эмку» с двумя телами. Казалось бы, рядовое ДТП — но удар молотком в затылок не оставляет сомнений: это убийство. А главное — исчез портфель заместителя начальника секретной лаборатории, в котором лежал доклад об урановых месторождениях.

Расследование поручено майору госбезопасности Ивану Шипову по кличке Шип — настоящему волку-одиночке с острым чутьем на предательство. Закаленный в засадах и перестрелках, он живет только охотой: на шпионов и диверсантов. Обычное ДТП на шоссе оборачивается паутиной интриг, а угнанный зеленый «Опель», утопленный в заброшенном карьере, ведет к вражеской диверсионной группе.

Шип балансирует на грани: партийные проработки, ложные следы и тайны секретного «проекта» ставят под удар его жизнь. В мире, где каждый союзник может стать врагом, у майора остается единственный проверенный метод — безжалостная правда, которая острее шипа.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-223683-9

© Шарапов В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

Земля задрожала. Совсем близко резанул атмосферу пронзительный паровозный гудок. Прошел резкой волной ветер от пронесшегося скорого пассажирского поезда Москва — Рига.

— Слушай, Дольщик. Я тут было по доверчивости своей рассудил, что ты из деловых, — поморщившись от пробирающего до печенок паровозного гудка, укоризненно произнес Турок.

— Никак ошибся? — с легкой насмешкой спросил его собеседник.

— Ты не деловой. Ты, милок, шпион.

Тот, кого только что обвинили в шпионаже, задорно рассмеялся, демонстрируя на редкость ровные зубы.

— Посмешить меня решил? — отсмеявшись, поинтересовался он. — Тебе удалось.

Отношения выяснялись возле железнодорожных путей, идущих от Рижского вокзала. Эти места последние годы облюбовал уголовный элемент для своих кулуарных встреч и разбирательств. Оно и понятно. При облавах, если шустрых пацанов-наблюдателей по уму расставить, ни один милиционер незаметно не приблизится, а после тревожного свиста можно рва-

нуть врассыпную и затеряться среди железнодорожных строений, а затем и среди бесконечных улочек Марьиной Роши.

Татуированный с ног до головы, в фуфайке, ватных штанах и кепке, высокий и массивный, пышущий агрессивной силой Турок, первый в драке и пьянке, сверкая фиксами и покачиваясь, стоял, набычившись, напротив своего соперника по горячему спору. Дольщик же, наоборот, был совершенно спокоен. Гладкий, в ладном драповом пальто, невысокий, с округлыми покатыми плечами, в нем ощущалась какая-то крестьянская надежная основа — в поведении, в рассудительной речи, в наивной и вместе с тем хитрой улыбке.

В это же время Саня Клещ и Леха Пятак — крепкие и умеренно татуированные парни, годков эдак двадцати пяти, — сидели на корточках в сторонке и с интересом наблюдали диспут на волнующую и вечную в блатном мире тему: «Кто кого подставил и кто кому должен». В шпионов они не особо верили, но видели, что их до того верный и надежный, как часы московского завода имени Кирова, подельник и вдохновитель на славные дела Дольщик крутит что-то явно сомнительное. А может, он и правда шпион? От этого у умственно и культурно недалеких, но не лишенных романтики парней аж дух захватывало и жизнь открывалась новыми интригующими гранями.

Между тем Турок, дав собеседнику посмеяться властью, продолжил:

— С тем последним дельцем. С тарантасом тем у Смоленской. И с бумагами в нем. Мало того что дело

мутное на поверку вышло. Так у нас теперь на хвосте кроме легавых еще и ЧК висит.

— Да ты не бойся, дорогой мой человек, — беззаботно отозвался Дольщик. — Подымят и успокоятся.

— Э нет, те псы на кровушку натасканные. И не успокоятся, пока дичь не загонят. Так что подвел ты нас под монастырь, Доля. Вот теперь у меня забота — сиди и думай, а может, тебя этим чекистам сдать? И прощение себе выторговать.

— Никак решил сойти с пути порока? — опять улыбнулся Дольщик; улыбка была широкая и немного наивная, без каких-либо намеков на гнусность и непотребный подтекст. — Искупить честным трудом. Стать достойным гражданином СССР.

— А ты не ерничай! — подался вперед Турок.

Его страшно раздражала в Дольщике правильная речь. Сколько общались, ни разу не слышал от него ни одного блатного лихого словечка. А это создавало трудности в общении. Блатной язык гораздо более емко отражал характер многотрудной преступной деятельности. Но похоже, Дольщик блатных просто презирал, хотя сам дела преступные воротил с удовольствием и изощренностью.

— Мне Совдепия не мать родная, а ведьма лютая! — поостыв, произнес Турок. — Ничего хорошего от нее в жизни не видел. Поэтому и базарю с тобой, а не на Лубянку маляву толкаю. Но ты не по-людски поступаешь. Мы тебя за своего держали. А ты нас втемную, как фраеров каких дешевых, пользовал. Нехорошо.

— Да брось ты, друг мой ненаглядный.

— Хоть брось, хоть подними. А теперь должок за тобой.

— Ох, Турок, — держа руки в карманах пальто, как-то по-детски обиженно произнес Дольщик. — Твои слова просто ранят.

— А могут и убить.

— И много хочешь в порядке заглаживания моей вины?

— Да для начала самую малость.

Турок обозначил объемы своего аппетита. Новый свисток приближающегося паровоза заглушил эти слова, так что пришлось повторить снова.

Дольщик аж крикнул. Да, малость оказалась вовсе не малой. И, судя по алчному выражению на лице Турка, суммы будут только расти. А шантаж углубляться и усугубляться.

Почувяв изменение в настрое собеседника, Турок отступил на шаг, и рука его скользнула в карман телогрейки.

— Ты не дури, агент империализма! От маслины в лоб краше не становятся!

— Да куда мне против вас, таких решительных, — вздохнул Дольщик. — Значит, деньги, говоришь. Ладно. Ты же свой. Сколько с тобой дел понаделано.

Воркующие интонации и абсолютное отсутствие агрессии в собеседнике на миг расслабили Турка.

Земля дрожала все сильнее от напора длинного товарного состава. Вновь свистнул паровозный гудок.

Тут Дольщик с завидной стремительностью шагнул вперед. Рука вырвалась из кармана. В ней что-то блеснуло.

МЕТОД ЧЕКИСТА

Неприятный треск — будто бильярдные шары столкнулись. И Турок как подкошенный рухнул на землю, задергался. Страшный удар кастетом проломил его толстый череп и не оставил шансов пожить еще хотя бы чуток.

Леха Пятак вскочил на ноги, потянулся рукой за пазуху. Но на него уже смотрел черный зрачок ствола вальтера.

— Спокойно, ребятишки, — примирительно произнес Дольщик. — Вы же теперь мои. Родные. Одного родственничка мы только что потеряли. Так в память о нем давайте будем душа в душу жить. Ведь так?

Мягкий деревенский говор звучал безобидно. И вместе с тем от этих воркующих интонаций у парней мороз по коже полз еще позабористее, чем при поножовщине с самыми отпетыми психопатами. Что-то в голосе было такое, даже не угрожающее, а рациональное и окончательное. Так говорят судьи — им незачем рожки корчить и угрозами сыпать. Достаточно произнести «расстрел», и все становится на свои места, притом бесповоротно.

— Пятак. Ты же по дверным замкам мастак, — посмотрел на парня ласково новый пахан. — Вот вам мой первый родственный наказ...

ГЛАВА 2

Все же умеем, когда захотим, делать надежные вещи. Вон старенькая эмка на всем ходу сшибла столбик с дорожным знаком «извилистая дорога», вылетела с дорожного полотна, перевернулась и вновь встала на колеса, снеся еще и молодую березку. Но при этом вполне сохранила изначальную форму — спасибо доброму металлу и надежной конструкции. А вот о ее ездовых такого не скажешь. Там конструкция не такая надежная, и материал похлипче.

Точнее, еще недавно это были ездоки. Теперь это всего лишь два искореженных безжизненных тела. Как пишут в протоколах: «тела, принадлежащие заместителю начальника лаборатории номер 15 Института геологии рудных месторождений АН СССР Вадиму Кушниру и водителю той же лаборатории Максиму Золотареву». Вот так — еще недавно были два человека, и теперь их нет. Остались только «принадлежащие им тела».

Жуть, конечно, жуткая и мрак мрачный. Были и нет — будто кто-то из списка живых вычеркнул недрогнувшей рукой. Но меня сейчас больше всего интересовал другой вопрос: где портфель Кушнира?

Портфель — это ведь не просто предмет обихода. Это какой-то вечный, почти мистический, всепогло-

щающий объект моих профессиональных забот и тревог. Портфель с печатями в руках дипкурьера, руководителя, военного, ученого легко может стать ящиком Пандоры и выпустить наружу неисчислимые беды в случае, если его откроет враг. И в первую очередь беды обрушатся на тех, кто по долгу службы обязан досмотреть за документами, хранящими фетиш органов госбезопасности — Государственную Тайну.

К сожалению, нет такой силы, которая бы заставила наших увлеченных трудовыми свершениями и громадем планов ответственных товарищей отказаться от того, чтобы пихать в свои солидные портфели важные документы, записки, блокноты, черновики, которые для врага дороже злата и камней.

Так что эти самые портфели мне нередко сняты по ночам — кожаные, клеенчатые, из кожзаменителя, дерматина, красивые и безобразные. Но там обязательно лежит Он — Важный Секретный Документ. Бумажка, за которую летят головы. Поэтому у нас при любом ЧП первый вопрос: где портфель с документами? И что за документы там были?

И, к моему сожалению, перерастающему в ужас, именно такие вот бумажки и бумаженции должны были быть в том самом солидном портфеле, который взял с собой Кушнир, отбывая на совещание в Москву.

Представившись, махнув удостоверением, я прорвался через милицейское оцепление и начал все беседы с этого самого портфеля.

Прокурорский следователь кивнул мне приветственно. Круглые очки придавали ему вид студента-заучки, но рулил он осмотром места происшествия

умело. Он жестом указал на салон эмки, откуда уже извлекли тела. И я увидел, что пухлый черный кожаный портфель лежит там, между сиденьями. Тут же половина горы у меня с плеч упала. Вторая половина упадет, когда я узнаю, какие там были бумаги и цели ли они.

Я было потянулся за портфелем — от избытка чувств, конечно. Но меня остановил окрик следователя:

— Не трогать! Сначала эксперт!

Ну да, виноват. Первая заповедь при осмотре места происшествия — не тянуть шаловливые ручки куда не просят, и не хватать, что приглянется. Право первого касания здесь всегда у эксперта.

Опылив портфель криминалистическим порошком и сняв с него отпечатки, эксперт сфотографировал его со вспышкой и протянул следователю. А тот — мне.

Портфель был набит вчерашними газетами, блокнотами, даже стопка чистой бумаги для машинописи имелась.

Холодок пополз, и стало как-то пусто внутри. Папки с докладом, украшенным всеми возможными грифами секретности, не было. А ведь должна была быть!

Черт, не зря меня одолевали самые худшие опасения, что это не обычное ДТП, а происки с той стороны. Которая давно интересуется лабораторией номер пятнадцать. Если доклад у них... Аж голова заходила ходуном от такой перспективы.

Стоп. Пока паниковать рано. Покуда надо разбираться.

— Что вы можете сказать о происшествии? — спросил я следователя, поежившись от налетевшего

порыва ветра. Середина апреля, а холод пока собачий, и эти ветра жить не дают.

Следователь только пожал плечами и официальным тоном проинформировал:

— Выводы делать рано. Вот закончим осмотр.

И, больше не обращая внимания на меня, двинулся в сторону эксперта, который на дороге нашел какие-то страшно важные осколки.

Понятная ситуация. Смотрят на меня как на паразита. «Мы работаем, а контрразведка дурацкие вопросы задает! Все бдят и из мухи слона раздувают!» Устроить, что ли, им тут разнос или пока рановато?

Рановато, конечно. Я огляделся и в толпе сотрудников, понятых и вообще непонятно кого разглядел того, кому любые версии и выводы по плечу.

Дядя Степа — милиционер. Лучший друг граждан СССР. Вон он, прохаживается в привычной манере. Правда, от канонического михалковского Дяди Степы его отличает совсем уж плюгавенький рост, развязная приклатненная походка и блатная кепочка. Ну а что вы еще хотите от оперативника уголовного розыска?

С одной стороны, хорошо, что я его увидел, — близкая душа все же. С другой — само его присутствие настораживало. Ведь тянул он лямку в отделе по убийствам Московского управления уголовного сыска — бывшего МУРа. И чего его сюда занесло? Как, впрочем, и прокурорского следователя. Возможный ответ на этот вопрос мне оптимизма не совсем добавлял.

— Степан, ты ли это, дружище? — бросился я к нему как к неожиданно найденной на просторах страны родне.

Пожали крепко друг другу руки. Похлопали по плечам, выбивая пыль. Я был рад встрече. Он был рад встрече. Мы оба были рады. Все же есть нам что вспомнить, — как пули свистели, как граната рванула и как бандитов раскладывали штабелями. Да, было у нас общее горячее дельце в позапрошлом году.

— Какими судьбами? Территория не твоя. — Я обвел окрест себя рукой — вокруг была лесополоса на подъезде к столице.

— С прошлого года наша. Столица расширяется. Здесь будет стройка — не век березкам шуметь.

— Ты же по убийствам, — напирал я. — А тут ДТП.

— Оптимист, — хмыкнул капитан. — А ты знаешь, кто такой оптимист?

— Плохо информированный пессимист?

— Именно. — Дядя Степа помахал рукой, подзывая судебного медика — молодого, по виду только после института и с упрямым блеском в глазах, как у всякого амбициозного молодого специалиста. — Серега, скажи товарищу из высокого кабинета, как оно у нас!

— Оба убиты ударами тупого тяжелого предмета, — четко доложил медик.

— Какого?

— Молоток. Кастет. Или еще чего.

У меня едва стон душевной боли не вырвался. Ох, как же это все плохо. Рубь за сто, что это вражеская акция в отношении секретносителя первой категории.

— Анализируем следы и механизм происшествия. Получается, что машину снесли с полотна. А потом забрили пассажиров чем-то тяжелым и категоричным, —

МЕТОД ЧЕКИСТА

расписал удручающую картину Дядя Степа. — Мотив? У тебя хочу полюбопытствовать. Опять ваша тематика? И потерпевшие с вашего объекта?

— Ты, как всегда, проникателен, — кивнул я.

Дядя Степа вздохнул, а потом с надеждой спросил:

— Дело себе заберете?

— Размечтался! Пока это убийство, а не диверсия или теракт. Так что уголовный розыск, как всегда, в первых рядах.

— С шашкой наголо, — вздохнул Дядя Степа.

— Но работать вместе будем. Указания от руководства получишь незамедлительно.

— Ну да, вам править и удила натягивать, а нам копытом землю рыть.

— Согласился бы тогда на наше предложение о переходе в контрразведку — сам бы сейчас указания раздавал. Теперь не взыщи.

— Да ладно. Мне и так хорошо.

— В общем, ищешь эту проклятую вражью машину. Она повреждена. Ее или в отстой поставят. Или в ремонт загонят.

— Не учи ученого, — отмахнулся Дядя Степа.

— Работаем, капитан!

— Работаем. — В глазах Дяди Степы вспыхнул азартный блеск охотника.

А я направился к новенькой «Победе», которую выделили нашему отделению месяц назад. Кинул на заднее сиденье шляпу. Сел за руль. Повернул ключ.

Машина тронулась, набирая скорость. Меня ждала «пятнашка»...